

McGilvray D.B. Dutch Burghers and Portuguese Mechanics: Eurasian Ethnicity in Sri Lanka // Comparative Studies in Society and History. 1982. Vol. 24. P. 236–263.

Roberts M., Ismeth R., and Percy C.-T. People Inbetween: The Burghers and the Middle Class in the Transformations within Sri Lanka 1790s–1960s. Vol. 1. Ratmalana: Sarvodaya. 1989.

Е.Г. Царева

**ВОСТОЧНЫЕ КОВРЫ
В РУССКИХ КОЛЛЕКЦИЯХ И ИНТЕРЬЕРАХ
Часть I. XV–XVII вв.**

Восточные ковры (мы часто называем их также мусульманскими), наверное, самые популярные произведения исламского искусства в западном мире. Ковры используются в меблировке частных домов и официальных зданий, включая церкви, практически во всех странах и у всех социальных слоев не только Европы и Азии, но и Америки и Австралии. Благодаря этому ковры можно рассматривать как успешных носителей общих для разных культур и менталитетов этнокультурных текстов. Показательно при этом, что сложившееся на Востоке за тысячи лет до нашей эры искусство ковроделия с формированием и распространением ислама подверглось мощному воздействию мусульманского стиля и идей. Это, однако, не воспрепятствовало вхождению изысканных гладких и ворсовых восточных тканей в культуру и быт самых разных народов мира. Предлагаемая статья рассматривает вопрос изучения ковра как общего для ковродельческих стран Евразии этнокультурного текста, общность которого объясняет восприятие его восточной «линии» христианским и иудейским населением России.

Тема эта мало изучена, поэтому первая часть статьи посвящена выявлению данных о памятниках восточного ковроделия XV–XVII вв. в русских письменных источниках с привлечением материалов зарубежных авторов.

Исламские ковры стали появляться в Москве и Петербурге в XVIII — начале XX в. Этот период развития российской городской культуры отмечен интересом к Востоку и его атрибутам, что отразилось

в использовании произведений исламского и буддийского искусства для украшения интерьеров дворцов и богатых особняков. В отличие от предыдущих архитектурных стилей, с их подчеркнута европейской «золоченой» роскошью и страстью к «китайщине» в XIX в. стало модно соединять на одном пространстве иранские и турецкие изразцы, ковры и ткани, китайский фарфор и бронзы, кавказское оружие и посуду. Все они мирно «уживались» в интерьерах «восточных» курительных и диванных комнат с европейской живописью и мебелью.

В России высокая мода на восточную экзотику соединилась с существовавшей ранее традицией использования изделий азиатских мастеров при украшении домов знати, в первую очередь парадных интерьеров княжеских покоев и церквей. Если иметь в виду Россию как территорию, то, как показывают археологические материалы, ковры использовались населением южных окраин нашей страны еще в период античности, как скифами — царями Великих Степей, так и греческими колонистами Северного Причерноморья. Позже, в раннем средневековье, ковры проникали в Киевскую Русь с азиатскими ордами и торговыми караванами. Следует вспомнить, что и сами славяне были прекрасными изготовителями ковров разных типов, как гладких узорных килимов, так и длинноворсовых ворсовых *марховых* полостей, техника изготовления которых уходит корнями в период бронзы. Драгоценные ковры и ткани исламизированного Востока и Византии традиционно были приоритетным предметом роскоши в течение всего средневековья. Именно присутствие феномена ковра в традиционной культуре народов Руси объясняет в некоторой степени легкость вхождения произведений восточных ткачей в русский быт позднего средневековья.

Мы говорим о позднем средневековье, поскольку как феноменологические, так и письменные памятники более раннего времени сохранились крайне мало, равно как и собственно древнерусский быт и система взаимоотношений с иноземными партнерами. Только к концу XV в. Русь освобождается от последствий зависимости конгломератной полукочевой империи Золотой Орды и начинает строить самостоятельное централизованное государство, поглотившее в конце концов и большую часть империи завоевателей. XV–XVII вв. — это период непрекращающихся войн с «диким полем», Польшей, Швецией. Но это и время неуклонного расширения Московской Руси, стабилизации дипломатических контактов с Европой, ренессанса взаимоотношений с Востоком и превращения Московии в торгового посредника между Азией и Европой.

Точное время возрождения традиции использования восточных ворсовых тканей в Московии сегодня определить невозможно. Однако

вполне уместно сопоставление этого явления с процессом возврата в русский быт византийских и персидских шелков и бархатов — излюбленных тканей церковных облачений и убранства царских и боярских покоев в XV в.

Вполне вероятно, что какие-то ковры могли привозиться из Византии и ранее: мог взять постилочные коврики при поездке в холодную снежную Московию первый московский митрополит Петр (умер в 1326 г.). Равно как и Фотий, вступивший на Русскую митрополию в 1408 г.: в Патриаршей ризнице сохранилась епитрахиль, привезенная им из Константинополя вместе с другими облачениями [Указатель 1855: 49]. Следует также учесть и возможность использования византийцами «мягких ковров» на полах церквей [Dimand 1933: 151 ff.]. Прямое указание на такую практику приводится в [Ebersolt 1923: 147] и подтверждается изображением коврика на миниатюре из «Остромирова Евангелия» 1056–1057 гг. с образом Евангелиста Луки (собрание Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина) и материалами выставки «Клады Древней Руси» из собрания Русского музея. Однако отсутствие иных письменных и собственно вещевых свидетельств, каковые если и были, то сгорели во время уничтожившего Кремль «великого пожара» 1547 г., делает такое предположение чисто гипотетическим. И даже если допустить, что какие-то единичные предметы роскоши и проникали в Московию в XIII — начале XIV в., они вряд ли могли оказать заметное влияние на характер достаточно бедной жизни Ивана Калиты и других князей-собирателей Москвы.

Как сказано выше, разительные перемены в быту двора произошли к концу XV — началу XVI в., когда Россия стала заново осваивать дворцовый быт и роскошь, забытые за сотни лет разорения. Именно к этому времени относятся первые прямые упоминания о восточных коврах в русских источниках. Письменно это подтверждают такие интересные документы, как духовная книга умершего в 1504 г. рузского князя Ивана Борисовича, содержащая список предметов, взятых им «у разных лиц в долг и не оплаченных». Среди прочего имущества в списке назван «взятый в долг» «восточный намазный», т.е. молитвенный ковер [Базилевич 1926: 32–34]. Правильность терминологии и ее понятность для окружающих свидетельствует о знакомстве Руси XV — начала XVI в. с мусульманским молитвенным ковром.

Понятно, что Иван Борисович мог взять этот ковер «в долг» только у купца. И действительно, возобновившиеся после посылки Иваном III торговой миссии в Константинополь в 1495 г. торговые отношения со странами Востока довольно быстро приобрели регулярный характер.

Более того, в XVI–XVII вв. восточные товары, особенно ткани, получили в России гораздо большее распространение, чем западные. Описания царских выходов, списки домашнего имущества царей и патриархов представляют интересную картину использования драгоценных тканей в быту верхушки российского общества. Одновременно описи посольских подношений и сведения таможенных книг позволяют выявить пути поступления ковров и их типы, среди которых главенствовали *туркские* (турецкие) и *кизылбаишские* (персидские), хотя встречались также хивинские и бухарские [Фехнер 1956: 6, 7, 67, 96].

Еще одним путем поступления ковров, во всяком случае в царские палаты, были посольские подношения. Наряду с конями, оружием и драгоценными камнями восточные правители слали русским самодержцам золотные ткани и ковры. Последние были излюбленным объектом подношений у шаха Аббаса Великого, который предположительно сам создавал картоны для некоторых образцов, часть которых преподносилась европейским владыкам [Erdmann 1970: 92, 99 ff.]. Зачастую посланниками иностранных владык выступали и купцы. Одним из них был Булат-бек, посещавший Москву в 1615–1616 и 1619–1621 гг. и преподнесший в 1621 г. от лица Аббаса Великого «восемь ковров среднего и большого размера» [Бушев 1987: 248–249].

К этому времени ковры превратились в значимый атрибут официальной и домашней жизни русских государей. Ими покрывали мебель, рундуки, иногда увешивали стены и окна личных покоев, а также устилали полы во время важных дипломатических и государственных приемов. Уникальным «зримым» свидетельством такого рода практики является картина Симона Богужовича «Лжедмитрий принимает шведскую делегацию в Грановитой палате Московского Кремля», датированная началом 1605 г. и хранящаяся в Венгерском национальном музее, Будапешт (опубликована: [Gifts 2001: 82]). Запечатленный художником парадный прием проводится в особо пышной обстановке, что подчеркивается количеством посланных на пол Грановитой палаты ковров. Определение «особо пышной» не является гиперболой, поскольку в оставленных современниками описаниях других событий такого рода подчеркивается, проводится церемония «с коврами» или «без ковров» [Выходы Государей 1844: 92]. Из сказанного можно сделать вывод, что использование либо неиспользование ковров в меблировке кремлевских палат при визитах иностранных послов было определенным показателем ранга приема в глазах русского двора.

Относительно происхождения и декора ковров на названной картине с уверенностью можно сказать, что они вполне узнаваемы: это анато-

лийские *бергама*, *гольбейн*, а также *лотто* двух видов и молитвенные *намазлыки*. Все они имеют небольшие размеры и близкую к квадрату форму, т.е. относятся именно к тому типу, который изготавливался на Востоке в XV–XVI вв. главным образом для внутреннего рынка [Raby 1986: 29–38] и изображения которых мы встречаем на восточных миниатюрах того времени, главным образом персидских. Таким образом, анализ работы Симона Богужовича позволяет отнести представленные на картине ковры к более раннему периоду, чем начало XVII в. Последнее вполне вероятно, поскольку дорогостоящие восточные ворсовые напольные покрытия и завесы покупались либо поступали с посольскими подношениями достаточно редко, передавались с дворцовой «рухлядью» от князей и царей по наследству и при свойственным ворсовым коврам прочности могли сохраняться без повреждений в течение нескольких сотен лет.

Сказанное позволяет соотнести ковры на указанном изображении с теми близкими по времени изделиями, которые приводит «Переписная книга домовая казны патриарха Никона» (1652–1667 гг.) [Беляев 1852: 57–58]. Составивший опись князь А.Н. Трубецкой, видимо, был хорошо знаком с предметом. Он перечисляет 16 ковров, среди которых один немецкий, «деланы города и звери», пять турецких, «золотные» и с «средней малинового цвета», десять кизылбашских «золотных», с малиновой серединой и «разных цветов» и один «золотный с серебром и с разными шолки». Два кизылбашских ковра названы ветхими, что свидетельствует об их долгом использовании (для того чтобы драгоценный, тщательно сохраняемый ковер стал «ветхим», нужно по меньшей мере двести лет, а то и больше). Чтобы не быть голословной, замечу, что самые ранние из дошедших до нас в мечетях Кони ворсовые восточные ковры датируются XIV–XV вв. и имеют хорошую сохранность [Gantzhorn 1998: 81–99]. При учете того, что в Патриаршей ризнице собирались «домашние утвари и одежды» не только московских патриархов, но и древних всероссийских митрополитов [Пушкин 1907: 3], вполне вероятно, что названные ковры могли принадлежать кому-то из московских митрополитов и появились в Москве еще до патриарха Иова, т.е. до 1589 г.

Приводимые в переписных книгах и указателях сведения обязательно подчеркивают наличие в коврах металлических нитей, если таковые присутствовали. Изделия такого рода, несомненно, были теми «золотно-серебряными» и «шелковыми с золотом» сефевидскими коврами, которые часто называют в литературе *полониз* («польские») и прекрасные образцы которых хранятся не только в музеях Московского Кремля,

но и в Государственном музее Востока и в Государственном Эрмитаже.

С XV в. восточные ковры, как *золотные*, так и шерстяные, пользовались большой популярностью и в Западной Европе. Как свидетельствуют живописные работы итальянских, датских, английских художников и различные инвентари, в европейском быту шерстяными коврами часто застилали столы [Mills 1983]. Их также клали в алтарях, постилали под престолы и троны, в то время как шелковые служили, как правило, настенными занавесами при тронах и др. Для покрытия пола комнат дворцов и вилл, однако, европейцы предпочитали изделия большого размера [Raby 1986].

В России огромные, продолговатой формы ковры в «европейском вкусе» появились при Алексее Михайловиче. Это, в частности, показывает гравюра 1675 г., изображающая прием датского посольства в Золотой палате Кремля [Gifts 2001: 54]. Однако по-прежнему более популярными оставались коврики небольшого размера: ими меблировали личные покои государей, в то время как другие хранили в Мастерском и Казенном дворах и выносили по особым случаям. Таковыми были причастие государей накануне праздника Пасхи, прием иностранных посольств; в период правления Алексея Михайловича — украшение комнаты при лечении государя царя (указывается в книге выходов государей царей и великих князей за 1632–1682 гг. [Выходы Государей 1844: 11, 61, 74, 84, 92, 102, 135, 155, 156, 184, 185, 204, 264, 277, 280, 307, 379, 400, 420, 440, 463, 477, 523, 581, 582, 654]). Нужно отметить, что ни одно другое из описанных в названном источнике событий не обставлялось столь пышно: «В Золотой [палате] был наряд с Казенного двора: на столе ковер серебрян по червчатой земле, полавошники золотые, на двух окнах ковры сшитые золотные, на третьем окне ковер кизылбашский золотной» [Выходы Государей 1844: 379]. То есть при всей подчеркнутой пышности официального двора и парадных приемов самые роскошные «золотные кизылбашские» ковры использовались в Кремле при таких персонально важных, интимных для царя событиях, как причастие на Страстной неделе, лечение недуга, торжества бракосочетания. Визуальным свидетельством сказанному служат, например, цилиндрические ковровые подушки и ковер, которым украшен задник трона на рисунке, изображающем торжество бракосочетания Михаила Феодоровича и Евдокии Лукьяновой в феврале 1626 г. [Прохоров 1881: табл. XIV].

В «Книге Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великой и Малой и Делой России самодержца выходная 185 году (с 1674 1 сентября по 1675 августа 29)» описана традиция устилания коврами пути следования Государя по особо торжественным

случаям. Таковым было «объявление сына, Великого Государя Царевича и Великого Князя Феодора Алексеевича» 1 сентября 1674 года: «После всенощной <...> из хоромы Великой Государыни шол, с Царевичем, до собора Успения пречистыя Богородицы <...> и на Постелном крыльце до Соборныя церкви сланы были ковры». И обратно шел «по коврам» [Прохоров 1881а: 581–582].

Источники показывают, что Алексей Михайлович обращал особое внимание на свою парадную одежду и используемые аксессуары. Так, 13 августа 1652 г. «Парадное одеяние с шапкой с крестом Мономаха, жезл, серебряники с лоханью и утиральник, ковер золотой <...> впредь указал <...> подавать как он станет причащаться» [Выходы Государей 1844: 264.] Интересно упоминание случая, когда в великий четверг 1652 г. для вечерни и обедни в Соборе для Алексея Михайловича был взят «ковер причастный из Царицыны полаты: а впредь того ковра Великой Государыни подавать не указал, а указал подавать ковер причастный, что в Мастерской полате» [Выходы Государей 1844: 477.]

Первые упоминания ковров как предмета убранства комнат цариц относятся к более раннему времени, а именно к 1642 г., и появляется в связи с описанием «спального убора» Евдокии Лукьяновны, в покоях которой хранилось «два ковры цветных с золотом да с серебром» [Описание старинных 1865: 126]. По крайней мере один из такого рода ковров упоминается в описи 1640 г. за № 678, он же назван в описи Московской Оружейной палаты за 1835 г. № 2779, позже попал в опись «Палат Бояр Романовых» за 1884 г. № 3719 [Опись Московской: 215] и сейчас находится в экспозиции Оружейной палаты. Одновременно другой шерстяной ковер сефевидского времени хранится в фондах музея, причем имеет абсолютно уникальную сохранность (№ 3721 по описи 1884 г.). Отметим, что в описи 1835 г. первый ковер был назван «завесом и скатертью», что вполне понятно, если вспомнить об общеевропейской манере застилания столов тонкими восточными коврами.

Возвращаясь в XVII в., обратим особое внимание на практику включения «золотных ковров» в число аксессуаров причастия. Ортодоксальная церковь навряд ли позволяла использовать проникнутые «бусурманским» духом предметы в важнейшем церковном ритуале. Поэтому остается только предположить, что привозившиеся из стран ислама ковры не воспринимались в тот период как атрибут мусульманского мира, но воспринимались как часть той долгой традиции их использования в быту и ритуалах, о которой было сказано выше. Исторические источники крайне скудны в этом отношении, хотя и не вовсе безмолвны. Так, использование ковров в похоронном обряде руссов описано ибн Фадла-

ном, X в. [Прохоров 1881: 69]. Однако более важным, чем любые упоминания, показателем является и поныне существующая древнейшая южно-русская традиция изготовления петельчатых или, как их называет местное население, *марховых* ковров. Как техника, так и рисунок и яркая цветовая гамма этих простых крестьянских изделий связывает их с древнейшей практикой производства шивных петлевых, а также *килимных* (гобеленных) ковров, зафиксированной на территории Древнего Востока и Евразии с раннего античного времени и достигшей расцвета в период эллинизма. Попытки объяснить существование петлевого ткачества у южных русских западно-европейскими влияниями неправомерны, поскольку ворсовые *обюссоны* и *сованаре*, как и английские *аксминстеры*, сделаны в другой технике и в совершенно другом стиле. Кроме того, мы прекрасно знаем историю формирования как французских, начиная со времени Генриха IV Бурбона, так и других европейских ковровых мануфактур, воспринявших технику ворсового (но не петлевого!) ткачества у закавказских и турецких мастеров XVI в. [Самрана 1969], перенесенную на русскую почву лишь в XVIII в. Великолепным образцом ворсового русского ковра екатерининского времени является огромный ковер с изображением трофеев, хранящийся ныне в Александровском дворце Царского Села под Петербургом. Но это уже иные времена и иные этнокультурные тексты, которые мы рассмотрим во второй части статьи, посвященной традициям собирательства ковров как яркого объекта традиционной культуры России и Востока.

Библиография

Базилевич К.В. Имущество московских князей в XIV–XV веках // Труды ГИМ. Вып. 3. М., 1926.

Беляев И.Д. Переписная книга домовая казны патриарха Никона, составленная в 1716 году по повелению царя Алексея Михайловича // Временник Общества истории и древностей российских. Кн. 15. М., 1852.

Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государства в 1613–1621 гг. (по русским архивам). М., 1987.

Выходы Государей Царей и Великих Князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича, всея Руси Самодержцев (с 1632 по 1682 год). М., 1844.

Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной Палаты. М., 1865. Вып. VII.

Опись Московской Оружейной палаты. № IV. Ч. II. Кн. 3.

Прохоров В. Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной. Кн. 3. СПб., 1881.

Прохоров В. Книга Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великой и Малой и Делой России самодержца выходная 185 году (с 1674 1 сентября по 1675 августа 29). СПб., 1881а.

Пушкин Б. Краткий указатель Патриаршей Ризницы в Москве. М., 1907.

Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) Ризницы и Библиотеки. Составлен Архимандритом Саввою. М., 1855.

Фехнер М.В. Торговля русского государства со странами Востока в XVI в. // Труды ГИМ. Вып. 31. Изд. 2. М., 1956.

Campana M. European carpets. L., 1969.

Dimand M.S. An early cut-pile rug from Egypt // Metropolitan Museum Studies. 1933. No. 4. P. 151 ff.

Ebersolt J. Les Arts Somptuaires de Byzance. P., 1923.

Erdmann K. Seven Hundred Years of Oriental Carpets. L., 1970.

Gantzhorn V. Oriental Carpets. Their Iconology and Iconography. Koln, 1998.

Gifts to the Tsars. 1500–1700. Treasures from the Kremlin. N.Y., 2001.

Mills J. The Coming of the Carpet to the West // The Eastern Carpet in the Western World from the 15th to the 17th century. L., 1983.

Raby J. Court and Export: Part 1. Market Demands in Ottoman Carpets 1450–1550 // OCTS II. Carpets of the Mediterranean Countries. 1400–1600. L., 1986.